

Владимир Шанин

За фактом истории

1.

Это была большая удача. В Красноярск прилетела группа писателей: Сергей Сартаков, прозаик, и Лариса Васильева, поэт. Встреча с ними проходила во Дворце культуры завода «Сибтяжмаш».

Я работал на заводе фрезеровщиком, сотрудничал с многотиражкой «Заводская правда», ходил на занятия литературного объединения, которым руководил её редактор Володя Леонтьев, выпускник художественного училища имени Сурикова, учившийся тогда в Иркутском университете на журналиста.

Мне было от роду двадцать шесть лет, уже не мальчик, женатый, имевший за плечами полных семь классов образования, много читавший и без разбору: Горького, Тараса Шевченко, Лермонтова, Пушкина, Голсуорси, Лондона, Драйзера, Бальзака... Но вот «живого» писателя увидел впервые.

На днях я кончил читать трилогию Сартакова «Хребты Саянские» и очень хотел познакомиться с автором.

Это был ничем не примечательный, уже немолодой человек, лет шестидесяти, выше среднего роста, светловолосый, заметно лысеющий, с тихим сипловатым голосом и добрыми серыми глазами. Молодая поэтесса рядом с ним казалась худенькой девочкой с пепельно-светлыми волосами, в очках, с задумчивым лицом. По мнению писателя Михаила Веллера, Лариса Васильева тогда «благополучно издавалась и вполне благоденствовала в официально выходящей литературе, но публике была практически неизвестна...»

Сергей Венедиктович рассказывал, как он работал над эпопеей «Хребты Саянские», поэтесса тем временем перебирала бумаги, перекладывала с места на место, некоторые подносила к глазам, затем собрала в стопку, отложила отдельно.

Народу в зале много, хлопали слабо, Сергей Венедиктович это почувствовал и от «Хребтов» перекинулся на другую тему, более лёгкую, весёлую, — о Косте Барбине, лирическом герое из цикла «Барбинские повести», с чувством, артистически стал читать:

«Эту книгу я взялся писать не потому, что я писатель. Я — матрос с речного парохода. Но получилось так, что не мог с собой справиться. Даже стихами сперва попробовал. Да это, пожалуй,

и с каждым из вас бывало — такое состояние. Видите, дело в том... Хотя нет! Если я сразу расскажу, в чём дело, то и книги никакой не будет, так думал я тогда.

Не знаю, как другим, а мне было очень трудно начать. В хороших книгах главный герой непременно откуда-нибудь приезжает и, как новая метла, сразу начинает чисто мести. В этой книге главный герой я, но я ниоткуда не приехал. Все девятнадцать лет своей жизни прожил на одном месте, каждую навигацию я плавал по реке. И мести мне, кроме палубы, пока ничего не приходилось.

А книгу написать хочется. И выходит, что придётся писать мне её так, словно без бакенов по незнакомой реке плыть. Ну да ничего — надо, так поплывёшь...»

— Вы были матросом? — выкрик из зала.

Сергей Венедиктович улыбнулся — и так широко, и так по-свойски, что сразу стал для всех своим человеком.

— Нет, друзья мои, — сказал он, — матросом я не был, но плавать приходилось. Подростком, вместе с такими же пытливыми, жаждущими приключений ребятами, я преодолел в лодке рискованное путешествие по таёжной реке Чуне. Проплыли тысячу триста вёрст по четырём рекам, прошли шестнадцать порогов. И везде были острые камни. А небо иногда было похоже на маленькую дырочку в скалах. А потом написал книгу «По Чунским порогам».

В годы войны Сергей Сартаков создал лирическую повесть «Плот идёт на Север» — о героизме тружеников тыла. Повесть впервые была опубликована в альманахе «Енисей» (№5 за 1943 год), а в 1953 году, значительно исправленная и переработанная, выходит в Красноярском книжном издательстве отдельной книгой. Впрочем, на всесоюзном конкурсе в Москве в 1946 году автобиографическая приключенческая повесть «По Чунским порогам» завоевала первую премию Детгиза за лучшую книгу для детей и юношества.

— А вообще-то, — признался писатель, — по профессии я — столяр-краснодеревщик. Был какое-то время актёром в Минусинском театре, писал пьесы, всего их восемь. Потянуло писать после войны. Я жил в Красноярске, первую пьесу для взрослого

театра «Песня над рекою» написал в тысяча девятьсот сорок девятом году. Тогда же она была поставлена и в Минусинском театре.

— Сергей Венедиктович, вы так здорово говорили о том, как работали над «Барбинским повестями», о речниках, что мы поверили; вы были матросом.

Всё так же улыбаясь, Сартаков рассказал о своих книгах «Горный ветер» и «Не отдавай королеву» — так свежи, так искренни, так насыщены они дыханием сегодняшнего дня на Енисее, именно они сделали его писателем. Любопытно было описать величие и красоту сибирской природы в какой-нибудь из своих книг.

— Так и сделал, правда, очень краткие оттенки неосуществлённой, но желанной мечты — в повести «Горный ветер». Почитайте всё-таки эту книгу про молодого матросика, — пожелал писатель и подчеркнул: — Я прирождённый сибиряк, и меня трудно видеть в литературе вне Сибири. Какую бы я книгу ни начал, она связана будет с Сибирью.

Сергей Венедиктович сделал лёгкий поклон и повернулся к Ларисе Васильевой:

— Вот что, друзья, кажется, я злоупотребил вашим временем. Позвольте мне передать слово молодому талантливому поэту. Прошу вас, Лариса Николаевна!

Васильева встала, подоткнула пальцем очки на носу, взяла отложенную стопку листов и, поднеся близко к глазам, стала читать. Стихи негромкие, про любовь, только с весной расцветающие, как цветок, неувядающие даже зимой, она читала, часто подымая глаза навстречу залу, его внимательным глазам, и уже потом проговаривала наизусть, распевно, как это делают поэты, стараясь понравиться публике.

Почему-то мне стихи не понравились, я тихонько выскользнул за дверь, купил в киоске «Союзпечати» книжку Сартакова «Горный ветер» за сорок пять копеек и так же тихо вернулся в зал.

Книжка нетолстая, в блёклой обложке неопределённого цвета, изданная в Красноярске в 1957 году, с рисунками Е. Веневитина. На титульном листе под заглавием — во весь рот улыбающийся матрос: надо полагать, это и есть Костя Барбин. Я раскрыл книгу и прочёл: «У меня большие и очень сильные руки, и когда я здороваюсь, Маша всегда вскрикивает. Она тоже сильная, но я верю, что ей бывает больно, хотя и не настолько, чтобы кричать. А этим она определённо хочет показать, какой я медведь...»

Наконец Лариса отложила бумаги и села. Сергей Венедиктович поднялся, поблагодарил публику за внимание к ним, писателям, зал всколыхнулся, зашумел, повскакавал с мест, потянулся к столу, к прозаику и поэтессе, кто с книжкой, кто с блокнотом — получить автограф. Я тоже протянул Сартакову книгу. Он посмотрел на меня ласково, как на сына, спросил, кто я, где работаю, пишу ли; я робко ответил, что сочиняю стихи, так, для

себя; Сергей Венедиктович поощрительно улыбнулся, взял из моих рук свою книгу и красивым каллиграфическим почерком написал на форзаце карандашом: «Владимиру Яковлевичу Шанину — моему молодому коллеге — с пожеланием успехов в избранной прекрасной деятельности. Сартаков, 10/VI — 1964 г. Красноярск».

Книга захватила меня, я читал всю ночь и утром с воспалёнными глазами отправился на работу.

Подошёл мастер, маленький, щуплый, Пётр Иванович, заглянул мне в лицо, недовольно проворчал: — Сильно вчера надрался? Вижу, рожа опухла.

Я взорвался:

— Какое надрался?! Книгу читал!

Чем же привлекла меня эта повесть? Ну конечно же, она — о нашем (и моём тоже) времени, о молодёжи. Костя Барбин — это и я тоже!.. Он вводит меня в круг актуальнейших проблем современности. Автор показывает, как в условиях советской действительности формируются новые люди, носители новой морали, новых представлений о любви и дружбе.

Сюжет повести разворачивается с биографии главного героя Кости Барбина, похожей на биографии большинства: отец убит на войне, жил с матерью и братишкой Лёнкой, учился в школе, каждое лето вместе с ним плавал на пароходе «Родина», где мать работала коком. Окончил семь классов и стал матросом. Автор показывает, как формируется характер Кости, это совсем не идеальный юноша, ему не чужды увлечения романтикой, порывы первой любви, чувства дружбы, не свободен от недостатков.

Каждая глава имеет название, связанное с теми или иными событиями из жизни героя. Но он действует не один, их в повести несколько: и Вася Тетерев, и Маша, и Шура... И каждый наделён характером. Один из них говорит: «Мне всегда кажется: горный ветер — это, как в сказках, живая вода. Он обновляет человека...»

Вот «Родина», курсирующая между Красноярском и Дудинкой, идёт по Енисею, перед глазами Кости Барбина проплывают волнующие картины: «А течение быстрое, утёсы перед глазами так и мелькают. Река сузилась ещё больше. Горы всё круче, выше, зарощены сплошь густой зелёной тайгой. Косые волны от кормы тянут за собой буруны теперь уже по обоим берегам. Шумят они, скачут по гальке, трясут таловые кустики, смывают в реку выброшенные половодьем брёвна. Прогудит теплоход, и гулкое эхо долго катится по горам, дробится в ущельях. Вовсе затихнет, а потом опять вдруг отзовется».

Автор заканчивает свою повесть, немножко сожалея, что пришла пора прощания с героями, которых успел полюбить, как родных детей: «И в лицо нам дул ветер, и, хотя это был привычный мне воздух реки, мне казалось, что это дует тот

самый горный ветер, который, как живая вода, освежает и обновляет человека».

2.

Анна Яковлевна, мать писателя, рассказывала сыну: «Вышла я поливать огород, а в канавке между капустными грядками под зелёными листьями маленький ребёнок лежит. Это был ты».

«И я долго верил этому», — посмеиваясь, признавался друзьям Сергей Сартаков.

Родился будущий писатель в 1908 году на хуторе Атамановском при железнодорожной станции Омск. Метрическая запись в церковной книге гласит: «Сын Сергей родился 13 марта, крещён 18 марта. Отец — крестьянин Тамбовской губернии, того же уезда, села Осипово-Лозовки Венедикт Ефремов Сартаков. Крестили в Св.-Троицкой церкви при станции Омск С. Ж. Д. Мать — Анна Яковлевна Сартакова, крестьянка Витебской губернии».

До замужества Анна была кухаркой в доме главного инженера Омской железной дороги господина Бишевского, а до него служила первой помощницей кухаря у попа Лапочинского (Витебская губерния). Девушка она была смелая, весёлая, любила петь польские, белорусские, украинские, русские песни и после, уже замужем за Венедиктом Сартаковым, устраивала домашние концерты: пела, Венедикт аккомпанировал ей на мандолине, а сыновья Сергей и Михаил — на балалайках.

В семье любили разгадывать ребусы, шарады, крестословицы, играть в лото, в карты — в подкидного дурака. Серёжу все звали детским именем Лёзя.

Венедикт с братом Проней строили железную дорогу от Челябинска до Омска, были и землекопами, и грабарями, и движенцами, и проводниками, и конструкторами, и смазчиками; в депо работали слесарями, столярами, кузнецами, токарями, Венедикт даже старшим счетоводом стал.

А потом спокойная жизнь кончилась. Железнодорожников из пыльного Омска, где, по воспоминаниям современников, гуляли над городом «высокие чёрные вихри», перебросили в Нижнеудинск. Для конторщика депо Венедикта Сартакова переезд сулил поправление здоровья: врачи находили у него слабые лёгкие.

Но, как говорится, беда не приходит одна. случилось так, что Венедикт во время работы упал в колодец, и никто этого не заметил. Хватились лишь утром. Анна, жена, пошла по воду, увидела мужа в колодце и зашлась в смертном крике. Сбежали люди, еле живого Венедикта с трудом вытащили, с тех пор он заболел чахоткой в открытой форме.

Серёжа был мальчиком любознательным, всё схватывал на лету, в пять лет умел читать, знал наизусть азбуку, таблицу умножения, читал всё подряд: книги он любил. И в те же пять лет впервые сочинил стихотворение.

В деревне на улице

В жаркий летний день

Дрались две курицы

И наскочили на пень.

А в стороне петух молодой

Смотрит и смеётся,

В клюве его жук,

Он отдаст его той,

Что смелей дерётся.

Когда мать привела Серёжу в школу, ей сказали: — Что ж вы, мамаша, мальчика не постригли?..

Да, у Серёжи были мягкие длинные волосы до плеч, светлые, завивающиеся на концах. «Не в отца, — подумала Анна Яковлевна, — у того волосы чёрные». Значит, в мать, она-то как раз блондинка.

Зачислили Серёжу во второе отделение. «И так получилось, — вспоминал Сергей Венедиктович, — что в течение всей школьной жизни я в середине каждого года перепрыгивал в следующий класс». Так что с Мишей, который старше Серёжи на три года, они оказались вместе в одном классе.

Осенью Серёжа отправился на рыбалку — друзья сманили: мол, на Уде водятся во-о-от такие лещи! Рыбачили с лодки, кто-то её качнул, и Серёжа свалился в холодную воду. К вечеру поднялась высокая температура, напугав родителей.

Время бежало стремительно. Время было неспокойное. После империалистической войны с немцами в России случились две революции, Февральская и Октябрьская, к власти пришли большевики, и началась Гражданская война. При железнодорожной школе Сергей сдал экстерном экзамены за весь курс и получил, как он сам признался впоследствии, «липовую» справку.

Воспаление лёгких у Сергея перешло в хроник, развивался туберкулёз, врачи посоветовали чистый лесной воздух — только так можно спасти мальчика. Отец поднял старые связи, с кем-то списался и получил ответ: в Минусинске, городишке «так себе», зато климат мягкий, найдётся и работа, и квартиру снять можно.

Минусинск — уже третье место жительства семьи Сартаковых. Ехали поездом до Ачинска, затем с пересадкой до Абакана, а уж оттуда к Минусинску на телегах.

В городе работа нашлась для всех. Для Сергея — столяром, а брат Михаил устроился оформителем театральных афиш: у него был каллиграфический почерк, и к тому же он неплохо рисовал. Отец не мог работать по состоянию здоровья, но и здесь, в Минусинске, он понадобился властям.

Неспокойное было время. В городе стояли то красные, то белые, то казаки с непонятной ориентацией, потом установилась советская власть, но по лесам ещё бродили остатки разбитых банд. Большевики вспомнили про Венедикта Сартакова и выдали ему официальное предписание прибыть

в Красноярск «для участия в восстановлении разрушенного войной железнодорожного транспорта». Предписание заканчивалось угрозой: «Неявка в назначенный срок будет рассматриваться как дезертирство и уклонение от гражданских обязанностей».

— Какой из меня специалист? — нахмурился Венедикт Ефремович. — Работал в юности сметчиком, сцещником на сортировочной, слесарем в депо. И что? Неужели там, в Красноярске, мало железнодорожников осталось, что я им понадобился? Видать, совсем у них плохо дело...

Он уехал и вернулся через четыре года, вызванный телеграммой: «Серёжа при смерти. Диагноз: сыпной тиф». Уловка родных избавила отца семейства от тяжелой командировки.

Сергей быстро вырос, становился романтическим юношей, мечтал написать книгу, в которой бы показал величие и красоту сибирской природы (осуществил в повести «Горный ветер») или создать большой роман о Саянах. Начало должно быть таким: «Была ночь. И он был один», — а конец: «Была ночь. И он был с нею вдвоём». Кроме этого, никаких замыслов пока не было. «Но сердце подсказывало, что роман я напишу, работа будет трудной и долгой, но прекрасной», — позднее признался он Афанасию Шадрину, с которым подружился в Минусинске.

«У нас оказалось немало схожего в привычках, оценках событий и явлений, а также в любви к нашей природе, прежде всего к тайге... Он с малых лет охотничал, рыбачил в Саянах, большей частью в одиночку. Подкреплял дарами тайги пожиток семьи, — рассказывал о своём друге Афанасий Шадрин. — Всякие таёжные приключения случались и с Сергеем... Рассказы о них и о непростых и схожих судьбах наших семей, покинувших родовые места в переломные годы жизни народа, сблизили нас, стали началом почти семидесятилетней дружбы. Сближение наше с годами крепло. Но в нём всегда в роли старшего, наставника оставался Сергей».

Весной 1929 года Сергей Сартаков вступил в драматический кружок Минусинского кулпромусоюза — то есть кустарей, которым руководил тогда Алексей Семёнович Широков, замечательный человек с редким самобытным талантом, фанатически преданный театру.

Он заставлял Сергея на всё прочитанное смотреть иными глазами — «не пассивного читателя, а как бы действующего соучастника всего того, что рассказывалось в книгах». Это была пора прекрасных перегрузок. Ни одного бездельного вечера, все находились под влиянием и личным обаянием Широкова.

За три года эмоциональных и физических перегрузок Сергей стал «театральным деятелем городского масштаба»: сначала исполнял проходные роли, потом сделался дублёром, дошёл и до ролей

главных героев. Числился сценаристом, замещал режиссёра, легко запоминал сложнейшие мизансцены, разработанные Широковым, следил за последовательностью спектакля. И всё это время работал столяром, получил высокую квалификацию краснодеревщика, выполнял сложные работы, на заказ изготовлял такие вещи, которые могли украсить самое изысканное жилище.

Он гордился своей профессией: «Весь день у верстака в мастерской, а вечером — на репетициях. Так сложилась моя минусинская жизнь. Она, как и всё в молодости, была прекрасной. Ремесло краснодеревщика мне нравилось безумно, а ещё с большим восторгом вникал я в сложные хитросплетения драматургов...» Всё это впоследствии он выскажет в книге «Над чистым листом».

Однажды к Сергею обратился один из членов коллектива кустарей:

— Послушай, Серёга, Кулпромусоюз, понимаешь, замучил нас требованием отчётов. Приходит ревью и такую взбучку устраивает, что слушать стыдно. А ты парень грамотный, в театре играешь. Может, станешь у нас счетоводом? Мы тебе приплачивать будем.

От драмкружка приработка никакого, всё держится на энтузиазме, а расходы существенны: купить замысловатый реквизит или ткань на сценический костюм — и трети зарплаты как не бывало, — и Сергей согласился.

Как вести бухгалтер, он не знал, заполнял типографические бланки по-своему, руководствуясь здравым смыслом, его даже хвалили.

Но знаний не хватало, поступил на двухгодичные заочные высшие финансовые курсы по фабрично-заводскому счетоводству, находившиеся в Москве, в Сокольниках. Окончил на «отлично», сдал контрольную работу и зачёт по «теории и практике применения двойной итальянской бухгалтерии Луки Пачиоли». Вскоре его назначили заместителем главного бухгалтера — и зарплата разом перекрыла весь семейный доход.

Репетиции в драмкружке продолжались, спектакли и концерты — тоже. В репертуар чтецов-декламаторов входило тогда стихотворение Алексея Апухтина «Сумасшедший», тяжёлое для исполнения, но его любили читать со сцены такие знаменитости, как П. Н. Орленев, нравилось и молодому поэту Александру Блоку. Произведение требовало большого напряжения голосовых связок, надо выкладываться до предела, и Сергей Сартаков решил...

Он вышел на сцену, одетый по-летнему — в светлые брюки и белую рубашку-косоворотку, начал читать и... сорвал голос. Что-то в нём надломилось, мир потускнел, да и жизнь «пошла наперекосяк». И вспомнилось ему, как батюшка Серафим во время службы в церкви внезапно потерял голос. Каково же ему было стоять перед прихожанами

и разевать рот? Сергей вызвался подменить его, сам не понимая, как это у него вышло. С детства он полюбил церковный язык, знал титулы, сокращения, древние падежи, утраченные ныне буквы, необычную форму слов—чувствовался далёкий говор наших предков. Священник попросил его прочесть небольшой текст из Евангелия от Матфея. Успокоившись, Сергей вдруг подумал: своим «Сумасшедшим» поэт Алухтин увёл его с театральных подмостков.

В тот год многое изменилось в общественной жизни Минусинска: разом исчезли частные магазинчики и лавочки, разрешённые в период нэпа, а вместе с ними и многие товары, прекратилась продажа зерна. Поползли слухи о грядущем неурожаяе, повсеместном голоде. На рынке взлетели цены. Нужда довела людей до последней крайности, начали продавать всё, что могли: куртки, пальто, кофточки, рубашки, всякое барахло. Театр закрыли на ремонт. Регулярно задерживали в Кустпромсоюзе заработную плату. И тут ещё у Анны Яковлевны усилились боли в правом боку, денег не то чтобы на лекарства—на хлеб не хватало.

Снимал Сартаков изолированную комнату в деревянном двухэтажном доме. Обстановка довольно скромная: кипа книг на столе и на лавке, аккуратно заправленная деревянная кровать, на ней стопка тетрадей. На полу керогаз. На стене картины, изображающие природу, тайгу, и... цветной рисунок анатомии человека. Сергей пояснил Афанасию Шадрину, что без знания каждой клеточки нашего тела невозможно правильно описать состояние или наружность человека.

Когда всё кругом успокаивалось и стихали дневные звуки, Сергей выходил в сени, где под потолком висела одинокая электрическая лампочка, раскрывал заветную тетрадь и писал, писал... До тех пор, пока не начинали слипаться глаза.

Название будущей книги родилось давно—«Хребты Саянские». Это должен быть роман многоплановый, с нетеропливым развитием действия, со многими переплетающимися сюжетными линиями. Сергей понимал, что для его написания потребуется немало времени, и он готов был писать каждый день, только вот беда—ночи становились короче, а утром надо не опоздать на работу.

В 1926 году Сергею Сартакову исполнилось восемнадцать лет—призывной возраст для Красной Армии. Призывная комиссия военкомата обнаружила у него порок сердца и, как говорится, «уложила в постель». Следом из Кустпромсоюза пришла бумага: С. В. Сартаков назначается главным бухгалтером на завод «Молот». В тот же день у него умирает мать, Анна Яковлевна, урождённая Нарубина. Горе надломило Сергея. На похороны покойницы собрали кое-какие деньги, поминки организовали в складчину—кто что принесёт с собой.

А через два дня Сергея призвали в армию: оказалось, призывная комиссия что-то напутала с пороком сердца. Что же касается сорванного голоса, специалисты сказали: паралич левой голосовой связки и что раньше можно было вылечить, а теперь—поздно. Для армии не помеха. Только спросили: куришь? пьёшь?—и отстали, получив ответ: никогда не курил, не пил вовсе.

Служить Сергея отправили на Дальний Восток. Зачислили в пулемётную роту 1-го Читинского стрелкового полка 1-й Тихоокеанской дивизии окдва. И здесь пришлось ему заниматься учётом и отчётностью. За хорошую работу был даже премирован отрезом шерстяной ткани «для пошива мундира в мастерской комсостава».

Стрелковый полк часто посещал командарм Василий Константинович Блюхер и всегда был чем-то раздражён.

Сергей с отвращением вспоминал такой случай: «Пошёл я к конюшням—на командарма посмотреть... Слышу—ругается товарищ Блюхер страшно, матерится, как сапожник... Бьёт носком сапога по стенам, кричит: дескать, что у вас тут за г... положено? На Мухина трёхэтажный, на Лопату и на Зыбина. Всем досталось!

Хлебопёк тащит какого-то красноармейца из новобранцев за шиворот, а у того буханка хлеба в руках. Парнишка упирается, слёзы ручьём льются, а хлебопёк волочёт его к командарму. Блюхер ещё больше обозлился, спрашивает: „В чём дело?“ Хлебопёк говорит: так, мол, и так, товарищ командарм, украл у меня буханку. Новобранец плачет: „Винovat я, но очень есть хотелось, мы несколько дней без хлеба!“ Блюхер поморщился. „Есть,—говорит,—хочешь?“ Зло так сказал... Я чувю, сейчас что-то страшное случится. Все замолчали, смотрят, что будет. Командарм достал из кобуры револьвер и выстрелил мальчишке прямо в висок. Красноармеец упал навзничь, подёргался и затих. Кто-то из свиты его тут же прочь оттащил. А Блюхер посмотрел на револьвер, потёр его о рукава шинели и на окружающих взгляд перевёл. „Больше,—говорит,—никто есть не хочет?“ Все глаза прячут. А он спокойно так, как будто ничего не произошло, сменил тон и уже спокойно объявил: переходим, мол, к следующему вопросу...»

Демобилизовался Сергей Сартаков уже в качестве среднего начальствующего административного состава РККА, с тремя кубиками в петлицах.

Была весна 1933 года. Через неделю поезд прибыл в Ачинск, из Ачинска Сергей выехал в Абакан, оттуда наёмными лошадьми—в Минусинск. Здесь он узнал, что отец второй раз женился, жену звать Полина Дмитриевна. Брат Михаил всё так же брал заказы на оформление плакатов и афиш.

После короткой побывки дома Сергей выехал в Москву, там получил направление в Главное управление Северного морского пути старшим

бухгалтером, возглавил отчётно-бухгалтерскую команду. В декабре уволился, получил расчёт и, взяв билет до Ачинска, сел в поезд. И тогда же, вспомнив детское стихотворение о двух курицах и петухе, сочинил:

Прощай, Москва! Твой вечный шум
Не принесёт в ночи отрады.
Прощай, Москва! Домов громады
Терзают мой усталый ум.
Тебя любить я не умею
И покидаю, не жалея.

3.

Минусинск претерпел серьёзные изменения: мелкие артели исчезли, ещё держались «Плиточник», «Верёвочник», «Столяр» — говорят, их тоже скоро прихлопнут. Крупные тресты города сливались с областными, превращаясь в гигантов. Минкустпром объединился с хакасским Промсоюзом и перебрался в Абакан.

Венедикт Ефремович Сартаков подрабатывал в передвижной фотографии, закрепившейся на местном базаре. Михаил рисовал плакаты, афиши теперь уже не требовались — деревянное здание театра сгорело. Сергей устроился в артель «Керамик», в которую вошли гончары и мастера художественной росписи. Решил, что эта работа временная, найдётся по специальности — тут же уйдёт.

И ему повезло. В газете «Красноярский рабочий» прочёл объявление: в трест «Севполярлес» требуется главный бухгалтер, местонахождение треста — город Енисейск. Вот это удача! Пройти по Енисею, полюбоваться сказочными берегами — давняя мечта Сергея. Закупив провизию, рыболовные снасти, оружие, географические карты, Сергей вместе с отцом и сестрой Лялечкой отправились в путешествие. На место прибыли точно в срок.

В Енисейске Сергея Сартакова назначили главным бухгалтером всего «Севполярлеса», его заместителем — Ильёй Семёновича Солженицына, родного дядю будущего писателя-диссидента, главного бухгалтера стройконторы. Разобравшись с делами, Сергей поместил в газете «Енисейская правда» фельетон «Страшная комбинация», надевавший в городе много шуму. Это был первый литературный опыт С. Сартакова.

По творческому совпадению, в этот день открылся в Москве первый съезд советских писателей, открыл его, потом и выступил Максим Горький. «Но я в то время о постоянном литературном поприще лишь мечтал, — говорил позже Сергей Венедиктович. — Для меня в начале тридцатых годов писательство было, говоря современным языком, чем-то вроде любимого хобби...»

В 1935 году трест неожиданно перевели в Красноярск. Пароход «Владимир Маяковский» провёл почти всю навигацию, чтобы перевезти «всех и

всех» в краевой центр. Сергей отправился последним рейсом. Отец и сестра остались в Енисейске, Венедикт Ефремович заявил, что здесь ему нравится: городок тихий, спокойный, воздух свежий, ничем не запакощенный, а работа рукам найдётся...

Стояла глубокая осень, погода была скверная, «Владимира Маяковский» в свой последний рейс отправился вечером, увозя остатки трестовских ценностей и людей — сотрудников «Севполярлеса».

В пути судно попало в густую шугу, потом село на мель. Пассажиров с «Маяковского» забрал пароход, идущий от Игарки, а трестовские «ценности» оставались на месте до прибытия туера, который должен снять судно с мели.

Контора «Севполярлеса» разместилась в недостроенном здании Красноярского лесотехнического института, что на проспекте имени Сталина. Работали в шубах и рукавицах. Железные печки-буржуйки дымили и почти не давали тепла. Сергей начал кашлять, думал — от дыма, но кашель становился всё невыносимей, и он отправился в поликлинику. Доктор сразу определил: плеврит. Воспаление лёгких осложнилось развитием туберкулёза. Сергей испугался: неужели ему уготована участь отца?..

Доктор назначил лечение и посоветовал снять комнату по соседству с конторой треста.

Хозяйка квартиры Феликса Феликсовна Михайловская — полячка, вдова заслуженного машиниста паровоза, до революции водившего поезд по маршруту Москва — Пекин, а в Гражданскую войну — до Иркутска, когда Красная Армия громила колчаковцев. После установления советской власти в Сибири два дома Михайловских большевики оставили за хозяевами.

По обоюдному договору хозяйка обязалась кормить постояльца, сам Сергей остался очень доволен: по утрам пил чёрный кофе с пирожными, в обед наслаждался вкусными блюдами, после чего, как барин, «блаженно раскидывался на диване» и думал, думал... Он всё ещё продолжал работать над романом «Хребты Саянские», начатым в 1936 году, о предреволюционной Сибири. Писал пером, обмакивая его в чернила, и только тонким пером, не тупорылым «рондо»...

В 1938 году в литературном «Сборнике произведений начинающих писателей Красноярского края» впервые был опубликован рассказ Сергея Сартакова «Алексей Худоногов», по определению критиков, «положивший начало большому произведению — роману „Каменный фундамент“», — произведению, в котором уже ясно «можно определить творческое лицо писателя»...

Впрочем, у рассказа была неприятная судьба. Сергей посылал его в журнал «Сибирские огни» — рукопись вернули, сославшись на «перегруженность редакционного портфеля», посоветовали

больше читать классиков: Пушкина, Тургенева, Толстого...

Послал в один из московских журналов, оттуда пришла отписка, но уже советовали читать Мамина-Сибиряка, Пришвина, Арсеньева... А ведь рассказ, по мнению редактора Красноярского книжного издательства З. И. Семигук, о замечательном сибирском парне, «чувствуется незаурядное дарование автора».

Вслед за «Алексеем Худоноговым» Сартаков пишет цикл рассказов: «Последний рейс», «Время ещё есть», «Простые рассказы», «В те дни», «Я вернусь»... С тех пор имя Сергея Сартакова уже не сходило со страниц сибирской и центральной прессы.

В конце 1939 года в плановом отделе «Севпоярлеса» появилась молодая сотрудница Сонечка Попова—Софья Семёновна. Сергею она сразу понравилась, и он не знал, как подступиться к ней.

Инженер-плановик Софья Попова должна была ехать на работу в леспромхоз, а ей никак нельзя было уезжать из города из-за больной пенсионерки-матери. Друзья Сергея уговорили её обратиться к Сартакову, человеку с мягким характером, научили его оформлять фиктивный брак—только так можно было остаться в городе. На всякий случай Соня «для верности честных намерений» написала клятвенное заверение, что «не свяжет его замужеством». Из воспоминаний Афанасия Шадрин мы узнаём, как всё это происходило: «Узнав о его женитбье, чья обычай, сообразили застолье. Принесли пайковые продукты, устроили свадьбу в комнате, где жил жених. Прощаясь, желали молодожёнам счастливой супружеской жизни. А хозяйка ждала, когда Сергей проводит фиктивную невесту восвояси. А те и не торопились расставаться. Утром Сергей представил хозяйке Сою уже как законную жену... И скажу,—позднее заявил Шадрин,—более дружной и счастливой супружеской пары, как эта, я не встречал».

Уже в следующем году Сергей Сартаков становится желанным гостем в редакции газеты «Красноярский рабочий», а потом и её внештатным сотрудником. Он был актуален во всём. Просто, но аккуратно одетый, костюм отглажен, был приветлив, учтиво здоровался с каждым за руку, даже с новичком Афанасием Шадринным из Минусинска, «и тем расположил к себе».

Тогда уже существовало при редакции газеты литературное объединение, входили в него школьники, преподаватели, корреспонденты «Красноярского рабочего». Иногда заходил профессиональный поэт Иван Ершнин, единственный член Союза писателей СССР. Руководил литобъединением сотрудник краевой газеты Михаил Юрьевич Глобус. Членов этого «кружка» называли «молодыми литераторами», возрастной «диапазон» был широк—от пятнадцати до семидесяти лет. О нём уже ходили слухи среди читателей и в крайком партии.

Собирались обычно по пятницам. «На каждой из встреч с участниками „пятниц“ я узнавал новые имена. Кто-то из них в чём-то уже преуспел и казался мне недосягаемым по уровню знаний, культуры. Другие, отталчиваясь, оставались пока непонятными. Но уже ощущалась общность, атмосфера взаимопомощи»,—вспоминал Афанасий Шадрин.

Однажды Сергея Сартакова, беспартийного, пригласили в крайком партии. В «высоком кабинете» инструктор Нина Павловна попросила его написать очерк о депутате. Очерк Сергей написал буквально за сутки, он был издан отдельной брошюрой. Это, как он посчитал, была первая книжка молодого литератора.

Но его постоянно терзала мысль, что вот-вот наступит момент, когда не сможет совмещать работу финансиста и литературные занятия—что-то одно будет непременно мешать, а он привык всё делать на совесть. Припомнился и разговор с братом Михаилом о «работе на совесть».

Брат прочёл наброски к роману «Хребты Саянские»—самые первые фрагменты о драматических судьбах Лизы и Порфирия—и был против авторской трактовки их образов. Он сказал, что автор слишком драматизирует события, не исследует причины, которые привели молодых людей к драме, не проследил все нити, связывающие их с обществом. А всего-то нужна кропотливая многолетняя работа—работа на совесть. Сергей обиделся и ответил, что пишет он «для себя», на что Михаил иронически заметил:

—Ну, если для себя, тогда другое дело. Можно вообще ничего не писать. Пойдём лучше в волейбол играть.

Как же он был прав! Только с течением времени Сергей стал всё острее осознавать слова брата. Заниматься литературой надо серьёзно, самозабвенно, роман нельзя писать «между делом». Кропай «между делом» фельетоны, рассказы, печатай в газете и будь доволен... «А я чувствовал в себе силу и призвание для чего-то гораздо большего, нежели заказная брошюра»,—это был поздний ответ на мудрость брата.

Осенью того же 1940 года Михаил Сартаков простудился и скончался от плеврита. Сергей приехал на похороны и немного всплакнул, когда оказался у могилы один.

А потом он потерял и любимую сестру Лялечку.

В 1941 году, 1 июня, Сергей и Софья зарегистрировали брак и сразу же после загса отправились к Любови Алексеевне, матери жены, на свадьбу.

В воскресенье, двадцать второго числа, молодожёны совершили пешее восхождение к «Столбам». Погода была чудесная, настроение по-летнему беззаботное, умиротворённое. И в этот день началась война.

«Белобилетников» на войну не брали, а у Сергея Сартакова и был как раз «белый билет», выданный ещё тогда, когда у него доктора нашли туберкулёз лёгких. Но в Енисейске он стоял на учёте как военнообязанный, даже прошёл военную подготовку. В начале 1942 года его признали годным к нестроевой службе как излечившегося и в мае отправили на фронт.

До фронта, однако, Сергей не доехал: высшее начальство сочло, что больше пользы он принесёт в тылу, и он был прикомандирован к тресту «Севполярлес» на прежнюю должность. И в это время, в мае, у него родился сын Александр.

В августе 1942 года рейсовым пароходом он выехал в Игарку, чтобы отправить в экспедицию пароход гуснп «Революционер», проверить документы, подписать накладные и проводить судно до выхода его из Игарской протоки.

Через несколько дней «Революционер» попал в беду, встретившись с германским линкором «Адмирал Шеер» в открытом море.

Трижды пробитый, опалённый пожаром, «Революционер» всё же смог уйти от фашиста и самостоятельно вернуться в порт. Вся Игарка высыпала на берег. На героическом судне по погибшим морякам был приспущен флаг, на палубе с обнажёнными головами застыла оставшаяся в живых команда.

Под впечатлением печального события Сергей долго не мог уснуть: перед глазами так и стоял расстрелянный пароход. Расстрелянный, но живой.

Воротившись в Енисейск, он сел за стол и единым духом написал рассказ о старом ослепшем агитаторе, который пришёл на призывной пункт и заявил: он, инвалид, ненавидит войну и хочет, чтобы она прекратилась навсегда. . . В тресте он доложил о проделанной работе в Игарке и для примера прочёл этот рассказ. Через несколько дней рассказ напечатала «Енисейская правда». Публиковался он и во многих авторских сборниках писателя.

За годы войны Сергей Сартаков написал десять пьес для Красноярского самодеятельного театра: «Военное утро», «На пристани» и так далее. . .

В 1944 году «Севполярлес» объединился с Красноярским трестом «Красдрев». Сартаковы приехали в Красноярск, выделили им жильё из четырёх комнат, кухни и веранды в старинном деревянном доме. При доме имелся погреб, его заполняли во время весеннего ледохода льдом, там хранились продукты. Печи топили дровами, воду носили на коромысле вёдрами от колонки в соседнем квартале. Словом, всё было в доме, не было лишь телефона, так необходимого бухгалтеру треста, но и его вскоре поставили. «Я ещё никогда не жил в таком комфорте», — радовался Сергей Венедиктович.

С работы он приходил поздно вечером, и всегда с распухшим от служебных бумаг «совнаркомовским» портфелем, наскоро ужинал, благодарно

целовал в щёчку беременную Сонечку и удалялся к себе в кабинет — маленькую узкую комнатку рядом с гостиной, поудобней устраивался за письменным столом, просматривал бумаги из портфеля, убивающие немало времени, и только потом, до рассвета, занимался литературой.

Четырнадцатого мая 1945 года, утром, Софья Семёновна родила ему дочь, единодушно её называли Танечкой.

4.

Первая книга рассказов «Алексей Худоногов» вышла в свет в 1945 году в Красноярске под редакцией З. И. Семигук. Самое волнительное событие! Вот она, «глыба», целых шесть листов — сборник из пяти рассказов об Алексее Худоногове, о его духовном становлении. «Как они меня обрадовали! — восхитилась Зоя Ильинична. — В них уже чувствовалась незаурядность дарования автора, глубинное постижение жизни. Богат и сочен был язык повествования». Но каким будет писательская оценка? Сергею хотелось получить отзыв писателя, создающего прекрасные книги, не потребителя, не оценщика, а мастера пера.

Несколько экземпляров книги Сергей послал в Союз писателей СССР, а через два месяца сам приехал в Москву.

Секретарь областной комиссии СП А. Я. Годкевич, всех литераторов знавшая по имени и отчеству, встретила Сартакова обыденным, привычным ко всему голосом:

— А, Сергей Венедиктович! Приехали? А Лидия Николаевна всё спрашивает меня, когда она может повидаться с вами.

— Какая Лидия Николаевна?

— Сейфуллина.

— Сейфуллина?! Со мной?

— Я ей сейчас позвоню, а вы пока почитайте. Она что-то вот здесь написала о вашем «Алексее Худоногове». Есть и от Анны Караваевой, — и протянула стопку исписанных листов бумага.

Сперва Сергей прочёл рецензию известной писательницы Анны Караваевой. Она писала: «Повесть... написана в хорошей реалистической манере, чистым языком. Недостатки её абсолютно выправимы, потому что в ней есть главное, чем живёт художественное произведение: характер героя, картина его жизни, его отношение к миру. Однако я считаю самым крупным недостатком: уж очень беспартийный какой-то Алексей Худоногов!..»

Но вот и листы, исписанные крупными, нервно ползущими вверх строчками. Сергей так и впился глазами в эти неровные строчки: вот он, отзыв крупного мастера! Это она, что написала «Перегной», «Правонарушителей» и «Виринею»... Ах, какая сильная магия слов! Какой огромный талант у этой маленькой женщины!

В отзыве её немало комплиментов автору: «незаявленное писательское дарование», «острота особого художественного зрения», «быт и речь таёжной Сибири, характеры живущих в ней людей — свои для Сергея Сартакова. Он их знает и любит и умеет оценить каждое слово умного, образного и красочного их языка», «в общем, книжка С. Сартакова хороша». Наряду с этими были и другие слова: «...книжка хороша, но только как предвестник будущих произведений», «автору необходимо сжаться в слишком словоохотливой речи», «иногда врываются в речь Сартакова стёртые, дешёвенькие, ходовые слова», «стоит ему видеть картину или явление природы, и природа уже вытесняет, человеческую судьбу»...

Не успел Сергей дочитать последнюю страницу, как услышал голос секретаря:

— Вот и Лидия Николаевна! Знакомьтесь: это и есть автор «Алексея Худоногова».

Сейфуллина небрежно подала Сергею руку, не пожалала — подала и тотчас отняла, словно торопилась начать разговор.

Она была не только «маленького роста», она была «маленькой», смотрела на Сергея снизу вверх и ободряюще улыбалась.

— Тут я, кажется, очень свирепо расправилась с вами. Но это ведь не для печати, а в своём кругу.

— Да что вы, Лидия Николаевна! У вас сплошные похвалы. Моя книжка совсем не стоит этого, — смущённо пролепетал Сергей.

— Значит, не обиделись? Хорошо. Вы курите? — и потянулась к своей потёртой сумочке за папиросами.

Удивилась, что писатель не курит. И радостно засмеялась:

— Да что же я? Конечно! Это и по вашей книжке было понятно.

В тёмном простеньком платье, она сидела на диване, вжавшись спиной в его уголок, отчего казалась ещё более маленькой, почти девочкой, и курила. «И курит как-то непрофессионально», — заметил Сергей. Между тем, поглаживая пышный бархат дивана маленькой, совсем как детской, рукой, она говорила и говорила: расспрашивала о Сибири, о сибирских писателях, о том, с кого Сартаков списывал своих героев, и вдруг заявила: — Так щедро пишут только о подлинных людях, вы бестолково расточительный литератор.

В свободной беседе ни Сейфуллина, ни Сартаков не заметили, как пролетело время, и тот же голос секретаря Годкевич предупредил:

— Я ухожу. Как бы вас не замкнула уборщица.

Сейфуллина вскочила с дивана, стала прощаться с Сергеем:

— Ну, мы теперь будем встречаться. Я вижу, вас не остановишь, вы теперь будете писать и писать... а я вот стала читательницей. Вы думаете, это легко? — её живое, смеющееся лицо с тугой

чёлкой над глазами на мгновение потускнело. — Это очень нелегко, совсем не легко... А вы знаете, Сергей Венедиктович, вы очень следите за собой. У вас в рассказах очень много достоверности, и это может обмануть читателей, они и не заметят, что в дело пошло совсем ещё не отработанные по-писательски строчки. А художник не имеет права этого делать. Вы понимаете? Не имеет.

Через год в той же комнате областной комиссии Союза писателей обсуждалась рукопись повести Сергея Сартакова «По Чунским порогам». Спор возник о том, не перепев ли это Джерома К. Джерома.

— Да, это, без сомнения, не Джером, но почему же мы всё время вспоминаем Джерома? Стало быть, налицо подражание, а подражание — плохая литература, — говорилось то здесь, то там.

Слово взяла Лидия Николаевна. Говорила о повести много хорошего, а главное — так темпераментно, так страстно защищала её, будто автору грозила неминуемая и немедленная гибель.

Кто-то с другого конца стола выкрикнул: — Милая Лидия Николаевна, да мы все согласны с вами. Согласны были с самого начала!

Сейфуллина остановилась: не шутит ли он? — свирепость с её лица сошла, и она сказала совершенно серьёзно:

— А я могла бы вам и глаза выцарапать. Вы сами знаете, на полпути я не останавливаюсь, — и закурила.

Пошла к Сартакову, когда обсуждение закончилось.

— Я, кажется, погорячилась. Повесть у вас действительно пока совсем ещё не вышла. Я видела её такой, какой она должна быть, — и, заметив смятение на лице Сергея, поспешила прибавить: — Ну будет же, конечно! Ведь я бы не смогла увидеть того, чего вовсе нет, — задохнулась дымом, закашлялась и, откашлявшись, закончила со счастливой хрипотцой в голосе: — Нет, вы же понимаете, до чего же приятно защищать кого-нибудь! Хотя... бранить вас нужно было. Вы всё ещё злоупотребляете достоверностью, а над словами думать мало...

Ко дню выборов в Верховный Совет СССР Красноярское издательство выпустило специальный сборник, в который поместило и рассказ Сергея Сартакова «Василь», написанный им наскоро и с таким же скороспелым сюжетом: приёмный сын путевого обходчика в страшнейшую пургу, вместо старика-обходчика, несёт «соседям» за десятки километров номер газеты с сообщением о дне выборов... С дарственной надписью Сергей послал почтой сборник Сейфуллиной. Через две недели ему позвонили из издательства: пришло письмо от Лидии Николаевны, нечто вроде «закрытой» рецензии на красноярский сборник, сильно удивившей Сергея.

Добрая половина письма посвящалась «Василю». Сейфуллина негодовала: «Трудно сказать, рассказ ли это и писателем ли написан — так мало в этом произведении литературных достоинств. И думаешь: что это — вытасканный из корзины черновик или свидетельство полной нетребовательности к себе С. Сартакова? Как посмел писатель принести в издательство такую рукопись, и как посмело издательство её напечатать?..»

Письмо оглушило Сергея: «Сюжетная схема выпирает отовсюду, как скелет у истощённой лошади. Автор всё время бьёт читателя в лоб, хочет убедить его: верь, что было так, — но достоверности в рассказе нет ни малейшей...»

В этот же год, весной, Сергей снова приехал в Москву, позвонил Сейфуллиной. Она не ответила на приветствие, только и сказала тусклым, усталым голосом:

— А, это вы?.. Я очень ошиблась в своём письме. Жалею...

— Да нет, что вы, Лидия Николаевна, — промямлил Сергей. — Я полностью согласен...

— Не перебивайте. Ошиблась. Мне следовало написать письмо резче. И я жалею, что не добавила: за такие рассказы полагается с автора взыскивать стоимость испорченной бумаги.

В голосе кипела та самая благородная ярость, которую уже приходилось наблюдать Сергею, когда она защищала его. Что за роковой, злополучный «Василь»! Несчастными тремя страницами он, Сергей, начисто погубил себя во мнении Сейфуллиной.

А она продолжала снова словестную порку: — Поймите, нельзя такие вещи печатать. Вы это понимаете? — шумно перевела дыхание. — Вы меня слушаете?

— Слушаю, Лидия Николаевна.

— Тогда вот что: вы приезжайте сейчас же ко мне. Я купила бублики, они ещё тёплые. Расскажите, над чем работаете.

— Да я...

— Ну вот! Обиделись? Скажете: ничего не пишу? Вы должны писать, много писать, всё время писать. Иначе у вас только «Васили» и будут получаться...

Зимой 1947 года Сибирь отмечала двадцатилетие старейшего журнала «Сибирские огни». Почти всё правление Союза писателей СССР слетелось в Новосибирск. Приглашён был и Сергей Сартаков — представитель от Красноярского края.

Встречи Сергея с Лидией Николаевной были мимолётны, на ходу: заседания, консультации, творческие семинары... Сейфуллина читала многочисленные рукописи, тщательно, с карандашом, делала пометки, писала короткие отзывы и, конечно же, уставала, заходить к ней в номер гостиницы Сергей не посмел.

Стоял по-настоящему сибирский сорокаградусный мороз. По приглашению железнодорожников

станции Инская группа писателей выехала туда на автобусе. Для Сейфуллиной раздобыли валенки — правда, большие, ноги болтались в них, зато было тепло им, как в печке. Она сидела на первом сиденье, лицом к пассажирам, и рассказывала весёлые истории — о своей литературной юности в Новосибирске. Припомнила, как выступала вместе с Маяковским — и как! — чтобы не выглядеть все ребёнок рядом с гигантским поэтом, подкладывала себе под ноги стопу книг. А Маяковский поощрительно хлопал её по плечу и говорил: «Ей они под ноги только и годятся. Мал золотник, да дорог». Весь автобус от её рассказов смеялся, так и доехали до места творческой встречи.

После небольшого банкета с очень скромным угощением, без пышных речей, без торжественного ритуала, с задушевной беседой за столом, прошёл тот незабываемый вечер. Говорили обо всём свободно и непринуждённо и всё равно касались литературы: вопросы, ответы, реплики...

— Ах, как мне хочется написать ещё что-нибудь хорошее... очень хорошее! — уже совсем серьёзно заявила Лидия Николаевна. — Писатель обязательно должен всё время писать, и всё время писать лучше.

— Зато какие великолепные книги вами написаны! — подольстил ей кто-то.

— А я напишу ещё, честное слово, напишу...

Такой она и запомнилась Сергею Сартакову: весёлой, жизнерадостной, и грустной, задумчивой, и яростно нападающей на своих противников, — «маленькая» писательница с девичьей чёрной чёлкой над круто выгнутыми бровями. Запомнилась своей фанатичной любовью к литературе, к друзьям-писателям, к читателям, которых она также любила.

За несколько месяцев до её кончины Сергей позвонил ей и услышал радостное:

— А знаете, я напала на счастливый замысел, явно вижу своих героев и теперь словно бы молодею. Ко мне возвращается страшная жажда — писать...

5.

В 1946 году прошли выборы в Верховный Совет СССР, после чего главная контора «Главлесдрев» назначила большую балансовую комиссию. Сергея Сартакова срочно вызвали в Москву.

Главный начальник свирепо глянул на него и грозно произнёс, рубанув рукой воздух:

— Работаете, Сартаков, вы хорошо, но нам не очень нужны бухгалтеры, сочиняющие романы...

Остыв от обиды, Сергей решил, что начальник прав. Действительно, кому нужны такие бухгалтеры? Ведь и литературе не очень-то нужны писатели, стучавшие не на печатной машинке, а по костяшкам счетов одиннадцать месяцев в году и лишь в свой законный отпуск выкраивающие две-три недели для работы над рукописью.

— Во времени мы тебя не связываем, — смилостивилось начальство, — сдай отчёт и гуляй в отпуск хоть два месяца; подбери аппарат и себя нагрузай поменьше, пиши романы сколько влезет, — и тут же дали понять: — Ну а если и при этих условиях будешь настаивать на уходе, постараемся устроить скандал. Ты пойми, что раз ты вздумал уходить, так мы тебя всё равно лишимся, но расстаться лучше с «треском», чтобы было похоже не на уход по личному желанию, а на нечто обратное...

«„Треска“ — то никакого, совесть у меня во всём чиста, но известные неприятности выдержать придётся, — задумался Сергей. — И главная та, что сдавать — то трест некому... И просто бросить тоже нельзя — может, и в самом деле получится плохо...»

В общем, проработав в лесной промышленности тринадцать лет, Сартаков покинул её, причём навсегда. Не без грусти, конечно, и всё-таки с неприятным осадком в душе. «Будто иду по предназначенному мне пути», — грустно подумал он.

С этого момента он становится профессиональным писателем.

После увольнения из «Севполярлеса» он, как сказали бы друзья-писатели, перешёл на «вольные хлеба».

«Как-то, уже в апреле, я сижу и разговариваю по телефону, — вспоминает З. И. Семигук, директор Красноярского книжного издательства. — Входит Сартаков. Он только что вернулся из Москвы. По его оживлённому лицу догадываюсь, что привёз он радостные вести. И, это я уж никак не ожидала, он кладёт руку на рычаг телефонного аппарата, прерывает мой разговор. „Поздравьте, будет у вас в Красноярске писательская организация“, — сказал он».

Сергея Венедиктовича Сартакова, как организатора местной писательской организации, товарищи назначили её ответственным секретарём и главным редактором альманаха «Енисей». Вскоре его вызвали в крайком партии. Сергей недоумевал: зачем?

Инструктор отдела пропаганды Нина Павловна пригласила его к себе в кабинет, предложила чаю, заговорила о литературной группе, расспрашивала: кто куда входит, что за люди, какие творческие планы, что с альманахом «Енисей»?.. Затем, глядя Сергею прямо в глаза, вдруг заявила:

— Вам, Сергей Венедиктович, как руководителю писателей и литературного альманаха, обязательно следует вступить в партию.

— Простите, да я как-то не думал об этом, — сказал Сергей.

— А мы подумали: вы должны быть в партии. Я первая дам вам рекомендацию. Две другие... поможем и с ними.

Она кому-то позвонила, обсказала суть дела и, положив трубку, сказала:

— Вот всё и решилось. Не переживайте.

Вторую рекомендацию написал первый секретарь Правобережного райкома вкп(б), третью — редактор газеты «Красноярский рабочий» В. Ф. Дубков. Сартакова, как вступающего в партию, прикрепили к партийной ячейке Красноярского издательства. Секретарь партийной ячейки, женщина строга и, видимо, оберегающая святую святых своей организации от вторжения незнакомых людей, решительно выступила против:

— Я, например, ваших взглядов не знаю. Вдруг вы кандидатского звания недостойны? Тёмная вы лошадка, тёмная... Я лично буду голосовать против. Так и знайте. Мы наверняка вас провалим.

На собрании коммунисты приняли Сергея Сартакова кандидатом в члены партии с одним голосом против.

Через два года он стал членом вкп(б).

В феврале 1948 года с делегацией от края Сартаков побывал в Москве на юбилейных торжествах в честь столетия со дня рождения художника-земляка Василия Ивановича Сурикова. По возвращении в Красноярск он пишет своему другу Афанасию Шадрину в посёлок Шира, куда тот выехал к умирающему отцу: «Подробность ты, конечно, знаешь из газет, сверх же того могу сказать только одно: организационная сторона юбилея не блистала... А вот с „Плотом, что едет на Север“ получился любопытный камуфлет: насколько его подняли в Новосибирске, настолько опустили в Москве (и что самое пикантное — те же люди! Конъюнктура — вещь необратимая). Мне в Москве Караваева так и разъяснила: „Фадеева ругают, Симонова ругают, Твардовского ругают, Панову ругают“ и т. д. «Хребты Саянские» только пошли в набор. При наших темпах — жди не ранее июля-августа. Выйдут — пришлю обязательно...»

Красноярское отделение Союза писателей с помощью крайкома партии разместили в здании краеведческого музея, затем ему выделили комнату в книжном издательстве, а через некоторое время, по свидетельству С. В. Сартакова, они «сумели отстоять для себя две комнаты в кирпичном флигеле Красноярского крайисполкома».

Благодаря неустанным хлопотам Сартакова краевое издательство стало больше уделять внимания молодым литераторам. Получили членские билеты Б. Беляев, Н. Волков, Л. Гераскина, К. Лисовский, И. Попков, Н. Устинович, на очереди А. Чмыхало. Печатались они в периодических изданиях, в альманахе «Енисей», некоторые уже имели собственные книги.

Юношескую свою клятву Сергей Сартаков сдержал — написал роман «Хребты Саянские», работа над которым заняла восемнадцать лет. «Вроде бы долго... Но трудно ли? Не могу сказать. Трудностей я не заметил, потому что занимался любимым делом, и оно было для меня прекрасно», — писал друзьям Сергей Венедиктович.

Софья Семёновна, супруга писателя, подобно Софье Андреевне Толстой, по многу раз, не доверяя никому, перебеливала его объёмистые рукописи. А сколько сотен черновых страниц исписано пером! Лучше всего Сергею работалось где-нибудь на природе—в лесу, среди скал, на берегу реки—везде, где можно было пристроить листок прямо на коленях, нежели за удобным письменным столом. Оба они, как говорится, вымотались, устали, но были счастливы, будто скинули с плеч тяжёлый груз.

В 1955 году в московском издательстве «Советский писатель» подготовлены к выпуску массовым тиражом «переработанные и улучшенные» первая и вторая книги «Хребтов Саянских»; третья, заключительная, запланирована к выходу также в этом году. Ещё в октябре прошлого года Сергей подготовил рукопись к печати. Роман разросся до семидесяти авторских листов. Уезжая из Москвы, он подписал договор и получил тогда же всё, как говорят, «в чистом виде и в полном объёме»—то есть гонорар.

И вот вышла трилогия в свет. «Кажется, и читатели на роман не в обиде,—писал товарищам Сергей.—Имею сотни восторженных писем...» Некоторые определили и термин: «роман поколений», постепенно перерастающий в «панорамный роман».

В основу романа положены подлинные исторические факты революционного движения 1905–1906 годов в Иркутске, Красноярске, Нижнеудинске. События, связанные с капиталистическим развитием Сибири и ростом рабочего класса, Русско-японской войной, Первой русской революцией. В романе переданы последовательно страшные картины разгрома восстания в январе 1906 года. Большого мастерства автор достиг в передаче политического состояния народных масс в момент острых революционных ситуаций. «Литературная газета» (1953, 4 июля) отмечала: «Революция предстаёт в романе не просто как высокая идея, но как выстраданный лучшими героями книги выход, как единственно верный путь».

Иван Васильевич Кокарев, шахтёр, бывший директор Красноярского издательства, пишет С. Сартакову: «От Ерошина в Москве узнал о выходе „Хребтов“, и все попытки найти книгу не увенчались успехом. Не нашёл и в библиотеке... „Хребты Саянские“—это только начало твоей будущей литературной жизни. Чувствую, что они уже перекрыли „Приваловские миллионы“ Манина-Сибиряка...»

К пятидесятилетию со дня рождения С. В. Сартакова литературный критик Л. Толстая писала: «С 1936 года писатель начинает работать над капитальным произведением „Хребты Саянские“, в котором поставлен ряд важнейших проблем... Решению последней проблемы автор посвящает большую часть своей трилогии... Народ—главный

герой эпопеи. С. Сартаков создаёт целую галерею типичных образов—представителей борющегося народа».

Отвечая на письма читателей и критиков, Сергей Сартаков пишет: «Одно могу сказать: я не столько писал, сколько жил в этом романе, смеялся вместе с его героями и вместе с ними порой обливался слезами. А в прямом смысле моей биографии—по фактам—в нём нет. По мыслям же своим, взглядам на жизнь я в нём растворился в каждой его строке».

«...Одним из моих сокровенных желаний было создать большой роман о Человеке. Не мне судить—удалось ли это или нет. Но хотелось бы особо подчеркнуть: это очень искренняя книга. Лихо закрученный сюжет, уснащённый хитроумными выдумками,—не мой жанр. Однако размышления о том, что приподнимает нас над обыденностью, мне всегда нравились. А потому и жанр этой книги я бы определил как исповедь»,—размышляя о работе над новым произведением, вспоминал Сартаков.

Первая книга романа, «Философский камень», вышла в издательстве «Молодая гвардия» в 1966 году, к шестидесятилетию со дня рождения автора. За это время писателем накоплен большой жизненный и творческий опыт. Более глубокими и ёмкими стали характеры многих героев «Философского камня». Особую лиричность приобрели пейзажи, сохранив в основном свои прежние идейные и художественные задачи. Действие романа начинается в знакомых нам по «Хребтам Саянским» местах.

«„Философский камень“ часто называют книгой о преемственности революционных традиций, имеющих огромное значение в жизни нашего общества. Но проблема „отцов и детей“—только одна из проблем нового романа, причём в первой книге она ещё полностью не решена. Идейный и философский смысл романа шире и глубже.

Пафос произведения в поиске „философского камня“—цели и смысла жизни, путей к человеческому счастью» («Енисей», 1968, № 2).

«Раскрыв этические, психологические, моральные и другие противоречия, в столкновениях которых формировался социалистический характер, С. Сартаков показал, что коллизии различного характера неизбежны при социальном переустройстве. Одновременно писатель показал, что в огне Гражданской войны и в первые годы социалистического строительства были сформированы лучшие черты характера наших современников: честность, трудолюбие, социалистический патриотизм, отзывчивость, высокая гражданственность» («Енисей», 1972, № 3).

Своё шестидесятилетие С. В. Сартаков отметил в городе Минусинске.

Город принимал его в своём театре, полностью восстановленном после пожара. Это старейший театр, поставивший первый спектакль в 1882 году,

переживший Первую мировую и Гражданскую войны, первую сталинскую пятилетку, Великую Отечественную войну и зимой 1944 года перебазированный в Канск — вышла из строя отопительная система. В июле 1945 года при создании в Ачинске собственного драматического театра минусинцы часть своей труппы, а также имущества передали ачинцам.

Сергей Венедиктович вспоминал товарищей своей молодости, артистов театра, Николая Климентьевича Гудзенко, с которым работал над постановкой своей пьесы.

Здесь, в Минусинске, начала формироваться и его творческая биография. И не случайно он в разговоре всякий раз подчёркивал, что если в его произведения вошло нечто биографическое, то больше всего в романах «Свинцовый монумент», «Вечная песнь — колыбельная», где, по его признанию, под названием Чаусинск он многое ввёл от Минусинска поры своего проживания в нём, поездок сюда позже к отцу, на встречи с читателями.

Общение как с красотой на сцене, так и с красотой труда, — Ирина Шадрина, минусинская журналистка, считает, что всё это «сыграло немалую роль в становлении Сартакова как литератора».

Краевая газета «Красноярский рабочий» поместила на своих страницах ряд отрывков из произведений С. Сартакова. Своё приветствие и статью о нём опубликовал альманах «Енисей». На сцене драмтеатра имени А. С. Пушкина в Красноярске прошла инсценировка романа Сартакова «Ледяной клад». О творчестве юбиляра писатели Красноярья провели беседы с читателями в трудовых коллективах. Писатель М. Ю. Глозус дважды выступил у курсантов военного училища — у ракетчиков, у военных авиаторов. Книжное издательство выпустило большую книгу в серии «Писатели на берегах Енисея», в заглавном разделе о С. В. Сартакове дано «широко и глубоко»...

На общем писательском собрании была утверждена юбилейная программа из одиннадцати пунктов. Предусмотрены присвоение юбиляру звания почётного гражданина Красноярска, памятные подарки, орден Ленина и т. п. Первый секретарь крайкома партии А. А. Кокорев распорядился, чтобы программа была «соблюдена в точности».

М. Ю. Глозус написал Сартакову: «Здесь здорово ухватили мысль о твоём юбилее в Красноярске. Все в один голос: только в Красноярске! В крайкоме включительно до Макеевой — „за“. Остаётся спросить Кокорева».

6.

На учредительном съезде, проходившем в Москве с осени 1957 года и до конца 1958 года, вновь созданного Союза писателей РСФСР, куда приглашены

были от Красноярска С. В. Сартаков, Н. С. Устинович и Н. В. Волков, первый секретарь правления СП СССР Георгий Мокеевич Марков говорил: «Нельзя писателей делить на столичных и периферийных. С этим местничеством должно быть покончено. Один литератор может отличаться от другого мерой отпущенного ему таланта, но место жительства важной роли играть не должно. Нужно всем создать примерно равные условия. Это указание Центрального комитета партии. Есть ещё один аспект: Союз писателей СССР решает вопросы в союзных республиках. РСФСР — крупнейшая из них и своего Союза писателей пока не имеет. Сейчас активно создаются краевые писательские организации и организации в автономных республиках. Для организации и управления ими нужен центральный орган — правление Союза писателей РСФСР. Но прежде всего — оргкомитет...»

В своём докладе Леонид Соболев подчеркнул назревшую необходимость создания Союза писателей Российской Федерации, отметил, что это событие особенно окрылило и подняло тех наших товарищей, которые живут и работают на необозримых российских просторах («Стенографический отчёт», 1959, с. 65).

От имени красноярских писателей выступил на съезде и Сергей Сартаков. Он сказал: «Быть современником — это значит быть тесно связанным с жизнью, понимая современность не как промежуточное звено между прошлым и будущим, не как точку равновесия между ними, современность — это нынешняя жизнь, закрепившая в себе всё лучшее, что было достигнуто в прошлом, и всем развитием своим устремлённая в будущее; современность — это настоящее, в котором будущего содержится уже больше, чем прошлого» (там же, с. 158).

Г. М. Марков спросил Сартакова: — Поставленная задача тебе ясна, Сергей Венедиктович?

— Да, ясна, Георгий Мокеевич. Но это значит... — Да-да, это значит, что тебе и дражайшей Софье Семёновне придётся распрощаться с Красноярском и переехать в Москву. Здесь тебя ждёт много работы, а работать придётся не покладая рук... Твой организационный опыт оценён и востребован.

На учредительном съезде Сергей Сартаков был избран первым заместителем председателя правления Союза писателей РСФСР и председателем Литературного фонда СП РСФСР.

В перерыве к нему подошёл Леонид Соболев, высокий, седовласый, с горделивой военной выправкой, постукивая об пол тяжёлой резной палкой, пожал Сартакову руку, поздравил с назначением, заговорил о том, о чём Сергей сам постоянно думал: — Мы должны искать молодые таланты повсюду, в больших городах и посёлках, в колхозах

и отдалённых деревнях. Я сам ездил по стране в надежде отыскать увлечённого человека. Не устаю повторять: писателем может стать только человек чистых помыслов, честный, благородный, душой болеющий за свою родину, хорошо разбирающийся в людях, знающий их беды, тревоги и радости, человек, обогативший свой ум знаниями, постоянно учащийся, совершенствующийся, стремящийся к историческим идеалам...

Сергей слушал, не решаясь прервать речь классика, и думал: «Да, это настоящий русский богатырь, пышущий силой, здоровьем, весельем, жизнерадостный, кипуче-деятельный, темпераментный, лёгкий на ногу, острый на язык, шутник, но не балагур. Отличается остроумием, любит разыгрывать коллег первого апреля, но делает это деликатно, тактично. Никогда не отказывается сытно покушать и хорошо выпить, чем иногда злоупотребляет... Любил музыку, с удовольствием слушал рассказы бывалых людей, особенно моряков, с удовольствием общался с коллегами...»

Из интервью Сергея Сартакова разным газетам.

Кроме дежурных вопросов: как обустроился на новом месте в Москве, чем занят и какие вопросы решает сибиряк на высокой писательской должности, легко ли освоиться периферийному писателю среди живых классиков советской и мировой литературы, собранных в одном месте, как дела с жильём и простыми житейскими проблемами, — были и такие:

— Как вы относитесь к тому, что стали заместителем секретаря правления Союза писателей Леонида Сергеевича Соболева? Как вообще к нему относитесь?

— Отношусь хорошо, — с улыбкой ответил Сартаков. — Я рад, что будем вместе работать над созданием и развитием Союза писателей РСФСР. Леонид Сергеевич — личность неповторимая, яркая, светлая, радостная; это добрый, талантливый во всём человек, жизнелюб с фантастической работоспособностью и неутомимостью. Высокообразованный интеллигент, вдохновенный художник, изумительный мастер слова и строгий ревнитель чистоты русского языка. Мне он представляется ярко пылающим костром, высоким костром, далеко-далеко бросающим свет и тепло...

— Вы так ярко обрисовали Соболева как человека и писателя, автора известных романов, а что скажете о себе самом, Сергей Венедиктович?

— Моя биография — вся в моих книгах, все герои моих книг — это я сам. Что я ещё могу сказать о себе?

— Как вы пишете, Сергей Венедиктович? Ведёте ли дневники? Много ведь забывается, стирается из памяти, а вы, как известно, — документалист. Все ваши романы построены на историческом материале.

Сартаков на минуту задумался.

— Я никогда не вёл дневников и не старался фиксировать мысли в записных книжках, — ответил он. — Мне кажется, что в моей памяти все жизненные перипетии надёжным образом фильтруются. В самом деле: я жил, учился, работал. Разве такие повседневные мелочи стоит записывать?

— Вы пишете пером? На машинке? Надиктовываете, как, скажем, Фёдор Михайлович Достоевский? — Писал обычным пёрышком... После войны перешёл на шариковую ручку, мне её подарили,

а потом вот отечественные появились. Так что пишу от руки, затем печатаю на машинке. Сейчас с удивлением слышу: создаются книги без всяких черновиков, на компьютере. Вот уж не думал, что такое будет возможно. И всё-таки жаль: вместе с тонкими чернильными линиями ушло нечто необычное, индивидуальность творчества.

— Многие жёны помогают мужьям-писателям: редактируют, корректируют, переписывают, перепечатывают, перебеливают их рукописи, некоторые становятся даже соавторами. Софья Семёновна из тех же?

— Из тех же, друзья мои, из тех, — рассмеялся Сартаков. — Мои тексты никому не доверяет, сама перебеливает, а это, представьте, объёмистые рукописи. Подолгу работает в архивах, в библиотеках, подыскивает нужные мне материалы, подбирает информацию. Так, например, когда я писал роман «А ты гори, звезда»... Каждое утро как на работу уходила: в архив Октябрьской революции, в Историческую библиотеку... Она была и первым читателем, лучшим советчиком, критиком, вдохновителем...

— И никакого в романах вымысла?!

— Ну почему же? Вымысел допустим, где герои — подлинные исторические лица. Невозможно написать исторический роман со стопроцентной точностью всех производимых в нём разговоров, с фотографической точностью дат и маршрутов всех передвижений... Читатель должен поверить автору: если бы он пошёл по пути буквального воспроизведения всех эпизодов и фактов, то вся художественная ценность романа свелась бы к нулю. Главное здесь — отбор жизненного материала, его осмысление и художественное обоснование. А это невозможно без творческой фантазии, без художественного вымысла.

— И последний вопрос: сейчас, после двадцатого съезда партии и выступления на нём Никиты Хрущёва, повсюду в прессе говорят о культе личности Сталина. Сергей Венедиктович, как вы к этому относитесь?

Сартаков помедлил, вздохнул и твёрдо заявил: — Я никогда ни мысленно, ни вслух не оправдывал чудовищных репрессий: ни сталинской, ни любых других, — и того огромного ущерба, который они нанесли стране. Мне ближе высказывание: был культ, но была и личность...

«Из Красноярскa Сергей Венедиктович уехал не по своей доброй воле», — говорила Аделя Броднева, в те годы директор Литературного музея, если кто-нибудь начинал злословить: мол, Сартаков мечтал перебраться в Москву. Наконец-то назрела необходимость создания своего Союза писателей в Российской Федерации. Был образован оргкомитет, в его состав введён опытнейший финансист, известный писатель, сибиряк С. В. Сартаков.

Уезжая в Москву, ответственным секретарём отделения Союза писателей СССР он рекомендовал избрать Николая Станиславовича Устиновича, коренного сибиряка, талантливого прозаика, так же, как и он, Сартаков, любившего природу и людей, живущих бок о бок с ней.

И Леонид Соболев, и Сергей Сартаков целый год формировали структуру Союза писателей РСФСР. Сергей Венедиктович возглавил его и руководил им, пока в 1968 году не был избран ответственным секретарём СП СССР.

И так на выборных писательских должностях прошла его жизнь. Случай беспрецедентный, под черкнула А. В. Броднева, тем более если учесть его удивительную скромность и полную неспособность расталкивать локтями товарищей. Именно поэтому и выбирали, что не держался за своё кресло, трижды просил освободить его от занимаемой должности по состоянию здоровья. И трижды его не отпускали. Опытом он обладал колоссальным: всё знал, всё умел. Имея за плечами профессию финансиста, отстаивал интересы писателей Литфонда, доказывая, что государство получает от издания книг невероятную прибыль.

В газете «Красноярская звезда» (26 марта 1998) журналист Юрий Грибов вспоминает: «Здесь, в Москве, я и познакомился с Сергеем Венедиктовичем. Внимательный и мягкий в обращении, скрупулёзно честный, он слыл в писательском задиристом мире самым исполнительным и обязательным работником. Про него так и говорили, когда надо было что-то решить или кому-то помочь: „А вы идите к Сартакову, он всегда на месте“...»

«Сергей Венедиктович многое сделал для сплочения писательской организации, для становления книжного дела в Красноярске. Прозаик, публицист, общественный деятель — всё это органически сочеталось в одном человеке с подлинно сибирским характером. Он покорял своей необыкновенной мягкостью, врождённым тактом, добротой и внимательностью. В своих произведениях... он славит Сибирь, её размах и красоту, своеобразные характеры сибиряков» (К. М. Тарасенко (Громова), «Связь времён», Красноярск, 1987, с. 196).

С. В. Сартаков вёл большую общественную работу: избирался депутатом Моссовета и Верховного Совета СССР, членом коллегий Госкомиздата СССР, Министерства культуры РСФСР, Комитета по Государственным премиям, а также был членом

редакционных коллегий многих литературно-художественных журналов страны.

Некоторые литературные «генералы» охотно входили в разные коллегии и комиссии, но почти ничего не делали. А Сартаков со своей неизменной коричневой папкой бывал всюду, выступал, требовал, настаивал и читал, кажется, все журналы и книги, судил обо всём честно и добросовестно.

Как секретарь правления Союза писателей СССР, он ведал делами издательства и книгоиздания. Кабинет у него небольшой, к тесноте он привык, да и к тому же, по его собственному признанию, в таком лучше думается, в приёмной всегда кто-то ждёт помощи. Писателя из области, из республики сразу примет, выслушает, запишет в специальную карточку, потом проверит, поможет...

Сартакова считали чудачком: надо же, ни разу не показавшись в писательском ресторане, где вечерами «литературный народ» снимает стресс, выясняет отношения, подшучивает друг над другом. Кто-то из недоброжелателей написал экспромт: «Плохой писатель Сартаков. Но что же делать? Сорт таков!» А Михаил Дудин, поэт с мировым именем, выступил однажды с дружеским шаржем:

А Серёжа Сартаков —
Что он сделал для веков?
Ничего для них не сделал —
Воспевал большевиков.

Отпуск семья Сартаковых всегда проводила в Ялте, в самое тихое, по местным понятиям, «пустое время», и трудился там, как проклятый, сразу над двумя рукописями. Такой у него — признаётся — творческий метод.

«За эти годы произошло много событий — радостных и горестных, отразившихся как на моей жизни, так и на жизни общественной. Шутка ли?.. Я прожил бурное XX столетие и на склоне лет заглянул в будущий век. Но чтобы подробно рассказать об этом, потребуется уйма времени и сотни машинописных страниц», — записал Сергей Венедиктович, завершая свои воспоминания под заглавием «Казусы и курьёзы».

Судьба, хранившая писателя, перенесла его через все невзгоды и лишения, через неправды и клеветы, через травлю и зависть недружелюбцев, была милостивой и вдруг нарушила течение жизни подлым ударом в самое сердце.

В 1988 году, 2 декабря, утром, при взрыве газового баллона в квартире поэта Игоря Ляпина погибла его жена Татьяна, дочь Сергея Венедиктовича. Она родилась в мае 1945 года, и кто-то пошутил: «Намадется девочка...» Татьяна рано выросла, становилась излишне рассудительной и не по-детски задумчивой. Училась в Москве, мечтала стать артисткой, но немного картавила. Поступила на филфак пединститута, стала журналисткой, писала очерки, эссе, занималась

литературными переводами с языков народов СССР. И вдруг... Такое не пережить. Через пять лет, в 2003 году, после тяжёлой болезни скончалась Софья Семёновна. А в 2005 году, 1 мая, в возрасте девяноста семи лет, умер в Москве Сергей Венедиктович Сартаков, один из немногих долгожителей, пережив почти всех, кого знал и ценил, кого любил безмерно, с кем был счастлив. И в том же году, через месяц, 2 июня, ушёл из жизни поэт Игорь Ляпин, с которым в советские времена мне посчастливилось выступать в одном из районов Красноярского края.

Так завершилась земная жизнь большого русского советского писателя, Героя Социалистического Труда, лауреата Государственной премии СССР Сергея Венедиктовича Сартакова.

К столетию со дня рождения писателя московское издательство «Вече» переиздало роман С. В. Сартакова «Хребты Саянские» в двух томах, тиражом пять тысяч экземпляров. Предисловие к нему написал красноярский поэт, живший в Москве, Игорь Гребцов. Об этом сообщил в Красноярск сын писателя Александр Сергеевич Сартаков...